

Ю. Л. Епанчин

М. ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛ «ЛЕТОПИСЬ» В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война явилась временем перелома в судьбе России. Начавшись с бурного патриотического подъема, охватившего все слои русского общества, она впоследствии привела к резкому классовому и идейному расколу. Причины охвативших Россию в годы войны политических и социальных потрясений давно привлекают внимание специалистов. Однако в советское время приоритет отдавался, в основном, социально-экономическому фактору. Идеология различных слоев российского общества изучена значительно слабее. Только в последнее время стал рассматриваться весь спектр настроений и идейных установок многочисленных групп интеллигенции, которая, как известно, во многом определяет мировоззрение исторической эпохи. В этом направлении предстоит еще огромная работа. Как замечает один из исследователей Первой мировой войны, «очень перспективным, в частности, является изучение взглядов на войну не только массовой интеллигенции, но и духовной элиты России. Пока приоритет в этой области остается за нашими зарубежными коллегами»¹.

Среди властителей дум того периода первенствующее место, бесспорно, принадлежало А. М. Горькому. После Льва Толстого он был самым почитаемым писателем. Между тем деятельность Горького в годы Первой мировой войны практически не освещена в исследовательской литературе. Непосредственно по теме опубликована только небольшая популярная статья². Указанный период частично освещают также работы О. Д. Голубевой³. В целом же, позиция Горького в годы войны слабо отражена в научной и, тем более, в популярной литературе.

В настоящем исследовании ставится задача определить выработку писателем-демократом мировоззренческого отношения к мировой войне, роли и месту в ней России, выявить специфику горьковского понимания общественных задач, стоявших перед русской интеллигенцией, понимания соотношения российской и европейской цивилизаций. Предполагается также осветить деятельность писателя по пропаганде демократических идей в условиях войны, его многообразную практическую деятельность, важное место в которой занимало издание журнала «Летопись».

Объявление Германией войны России застало врасплох подавляющее большинство российских подданных. Среди интеллигенции широко бытовали представления о «вероломстве» Вильгельма и немецкой военщины. Взрыв негодования охватил отечественную прессу. Приоритет в разжигании патриотических настроений принадлежал не солидным столичным журналам, а популярным изданиям. В российскую глубинку «беллетристика доходила лишь в виде дешевых еженедельников, – таких, как «Огонек», «Панорама», «Синий журнал»... «Прославленные литераторы в стихах и прозе усиленно бряцали оружием. Казалось, на все невоенные темы кем-то наложен строгий запрет, все человеческие чувства мирного времени объявлены нелегальными»⁴.

Идея патриотического единения охватила даже демократическую интеллигенцию. А. В. Амфитеатров писал 11 августа 1914 года Горькому из Италии: «Надо драться с чертовыми немцами! Ах, неужели русские левые круги упустят этот могучий момент вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении, неужели опять отдадут монополию на патриотизм тем слоям, которые превратили его в ругательное и постыдное слово?.. Не бывает и быть не может социальных революций в стране, не выдавшей революции национальной, с того времени как революция найдет слово «отечество», найдет она и силу, и успех»⁵.

У буржуазных идеологов националистические идеи буквально перехлестывали за границу разумного. Даже бывший либерал П. Б. Струве в типично славянофильском духе стал воспевать «святую Русь»⁶. В. Ф. Эрн развивает неославянофильские идеи о противостоянии Востока и Запада, изменяя их в том смысле, что его подход «теперь ограничивается в основном критикой духовных и культурных основ Германии»⁷. Отвлекаясь от глобальных проблем, породивших мировой кризис, философ сводит причины конфликта к метафизической противоположности национальных характеров: «Столкновение духа Германии и духа России мне представляется

¹ Носков В. В. Рецензия // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 158.

² См.: Нинов А. А. М. Горький и «Летопись» // Нева. 1966. № 1. С. 176–181.

³ См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус» // Книга. Исследования и материалы. М., 1966. Сб. 12. С. 160–193; Ее же. Горький-издатель. М., 1968.

⁴ Семеновский Д. Н. А. М. Горький. Письма и встречи. Иваново, 1961. С. 31.

⁵ Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 455.

⁶ Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–180.

⁷ Шеррер Ю. Неославянофильство и германофобия // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 89.

внутреннюю ось европейской войны. Все другие силы группируются по периферии. Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовною и внутреннею идею русскою»⁸. Ход развития механистического немецкого духа привел, по его теории, «от Канта к Круппу»⁹. Другой философ, Е. Н. Трубецкой, подчеркивал «прогрессивность» войны со стороны России: «Обладая огромной территорией, Россия не заинтересована в ее увеличении... Этот территориальный консерватизм, который диктуется России ее жизненными интересами, делает ее естественной защитницей и покровительницей слабых и угнетенных народностей – всех тех, кто поглощен и кому грозит порабощение и поглощение»¹⁰. Н. А. Бердяев, при всей самостоятельности своей позиции, позволявшей ему ясно видеть многие пороки русского бытия, тем не менее также возлагал надежды на очищающее влияние войны, полагая, что «Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира». Мыслитель связывал свои надежды с тем, что «творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте»¹¹.

Подобные идеи, разрабатываемые русскими интеллектуалами православной ориентации, тиражировались в утрированной форме в сотнях дешевых популярных изданий, предназначенных для мещанской массы. Выходили серии брошюр под названиями «Война 1914 года», «Народная война», «Вторая Отечественная война» и даже «Великая Отечественная война». Литераторы и журналисты, захваченные общим патриотическим подъемом, активно включились в разработку военной тематики. Воспеванием «народного подвига» занялись такие крупные писатели и поэты, как В. И. Иванов, Г. В. Иванов, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб, Н. С. Гумилев, В. Я. Брюсов, С. М. Городецкий и другие. Особое воодушевление испытывал Л. Н. Андреев. Его литературные произведения того времени были малоудачными, зато он буквально работал на износ в качестве «патриотического» публициста.

А. М. Горький, вернувшийся в конце 1913 года в Россию, объявление войны встретил с тревогой. Уже на следующий день он писал И. М. Касаткину: «Я давно – года три – как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но – вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным, как будто все случившееся – неожиданно. Страшновато за Русь, за наш народ, за его будущее... Ясно одно: мы вступаем в первый этап трагедии всемирной»¹². Настроения Алексея Максимовича в начале войны передает его переписка с М. Ф. Андреевой. Он оценивал события в пессимистичном духе: «Ужасная тоска на душе. Работая – думаешь: к чему? Ведь эта война на целое столетие облечет мир броней железной злобы, ненависти всех ко всем, она вызовет жажду мести у побежденных, презрение победителей, она уже теперь у многих вызывает мысль о необходимости уничтожения целой нации. Чувство ненависти к немцам все растет и – оно справедливо, вот что самое страшное»¹³.

Сообщения о немецких зверствах, тиражируемые печатью, оказали воздействие на позицию Горького. Он согласился поставить свою подпись под антинемецким воззванием «От писателей, художников и артистов», написанным И. А. Буниним и помещенном в конце сентября в ряде влиятельных буржуазных газет. В. И. Ленин, следивший за событиями в России, откликнулся на этот факт статьей в эмигрантской газете «Социал-демократ», в которой отмечал, что «доверие сознательных рабочих налагает на Горького известную обязанность – беречь свое доброе имя и не давать его для подписи под всякими дешевенькими шовинистическими протестами, которые могут ввести в заблуждение малосознательных рабочих. Им самим еще не под силу разобраться во многом, и их может сбить с пути имя Горького. Имя Струве никакого рабочего не собьет, а имя Горького может сбить»¹⁴. Неизвестно, дошла ли статья Ленина до писателя, но впоследствии он уже не отступал от интернационалистских позиций.

Алексею Максимовичу очень хотелось подать свой голос против пропаганды мировой бойни. Еще в 1913 году он признавался в письме А. М. Коллонтай: «Очень жаль, что я лишен таланта публициста – сейчас Русь нуждается прежде и больше всего именно в даровитых публицистах, в людях, которые, вырвав из своих грудей сердца, хлестали бы ими по харям моих земляков»¹⁵. Тем не менее чуждые Горькому общественные настроения 1914 года заставили его взяться за перо. Он пишет цикл статей под названием «Несвоевременное». Их дух резко расходился с официальной риторикой, и поэтому ни одна из них не была опубликована. В этих статьях он отмечал, что «внеразумная сила капитализма создала против воли и разума людей такие условия, которые

⁸ Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 297.

⁹ Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. Отд. 2.

¹⁰ Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России // Там же. С. 89.

¹¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918. С.1, 2.

¹² Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958. Вып. 2. С.450.

¹³ М. Ф. Андреева. Переписка. Воспоминания. Статьи. М., 1968. С. 276–277.

¹⁴ Ленин В. И. Автору «Песни о Соколе» // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 96–97.

¹⁵ Наследие М. Горького и современность. М., 1986. С.173.

могли быть разрешены только войной». Превознесение войны рядом русских литераторов вызывало у него чувство возмущения: «Как хорошо было бы, если бы сологубы подождали выразить свои мысли в формах, столь свирепых и решительных». Критикуя взгляды Ф. К. Сологуба, М. П. Арцыбашева и Л. Н. Андреева, Горький предупреждал, что их «утверждения, несомненно, послужат развитию национальной и расовой ненависти». Он вскрывал подоплеку империалистической бойни: «Война – безумие, это кара людям за их жадность. Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку». Писатель обращается с увещанием к своим коллегам по перу: «Человек умирает, мысль его остается жить. Эта живучесть мысли должна бы обязывать человека к известной сдержанности, когда он воплощает темные свои эмоции в слова, в мысли»¹⁶.

За всю вторую половину 1914 года Горькому удалось опубликовать только «Воззвание к населению», напечатанное 20 ноября в газетах «Киевская мысль» и «Киевлянин». В нем он называл войну «мировой катастрофой», употреблял в положительном смысле понятия, превращенные реакционной публицистикой в бранные слова. Он писал о «светлых началах европейской культуры», о великих идеях, созданных «тяжелым трудом Европы», апеллировал к «чувству солидарности людей», говорил им «о великих интересах планетарной культуры, о духовных ценностях, единых для всего мира»¹⁷.

Молчание Горького было вынужденным. В ответ на письмо ссыльного революционера В. С. Войтинского, предложившего ему «высказаться, наконец, относительно войны», писатель объяснял ему существующее положение: «Я считаю невозможным осуществление Вашего литературного проекта при наличии военной цензуры в Питере, а – с сего дня (1 октября. – Ю. Е.) – и в Москве, всякое литературное выступление «против течения» неоспоримо обречено на неудачу»¹⁸. В доказательство Горький приводил историю с журналом «Русское богатство». Это издание было закрыто за публикацию статей А.В.Пешехонова. В них автор утверждал, что начавшаяся война является не битвой «тевтонской и славянской рас», а следствием милитаристской политики европейских государств. Далее он предсказывал, что война «потрясет внутренние основы этих государств», неминуемо обострит противоречия между «имущими и неимущими» и вызовет «выступление на историческую арену широких трудящихся масс»¹⁹. Пешехонов оспаривал официальный тезис о «полном единении всей России перед лицом военной опасности»²⁰.

Мировоззренческие установки Горького, его чуткая художественная восприимчивость протестовали против империалистической мясорубки. Для него «день начинается мыслью о том, где и сколько перебито людей, до ночи эта мысль сосет и сушит душу, с нею, как с ведьмой, ложишься спать»²¹. Писатель выступал за развитие традиций Просвещения, приоритет рационализма в жизни общества, создание единой мировой культуры. В указанном письме к Войтинскому он отмечал: «В этой войне есть одна положительная сторона: война эта с неопровержимой ясностью доказывает, что при наличии национализма невозможна общечеловеческая, планетарная культура. Творцом планетарной культуры, основанной на факте, на изучении, – может явиться идея интернационализма, – всякая иная идеология культуры является идеологией, основанной на догмате и внушении»²². В запальчивости Алексей Максимович выступал с неосторожными заявлениями, оскорблявшими русское национальное чувство. Осенью он участвовал в собрании московских интеллигентов на заседании Юридического общества и высказался следующим образом: «Я боюсь русской победы, того, что дикая Россия навалится стомиллионным брюхом на Европу!»²³ Но такие крайние заявления были у него редкими.

Горький считал, что подъем России возможен только на пути приобщения к достижениям западной цивилизации. «Самобытный» путь он отвергал. В разговоре с В. Я. Шишковым излагал свою точку зрения: «Все у нас плохо. Страшно отстали от Запада. Пожалуй, не нагнать. Живя в России, со всем этим сживаешься, миришься, все еще думаешь, что есть что-то такое в России, сила какая-то не проявившаяся, что-то самобытное. А вот пожил я семь лет за границей, на Капри, – нет, гляжу, плоха наша Русь-матушка. Все как-то гниет и валится»²⁴. Война 1914 года, по мнению писателя, еще более ухудшила шансы России на вхождение в мировую цивилизацию. 9 сентября он писал Е. П. Пешковой: «Как вспомнишь, что три года тому назад люди серьезно говорили о

¹⁶ Горький М. Собрание сочинений. М., 1953. Т.24. С.158-162.

¹⁷ См.: Овчаренко А. И. Публицистика М. Горького. М., 1965. С. 318–319.

¹⁸ Литературное наследство. Т. 95. С. 918–920.

¹⁹ Пешехонов А. В. На очередные темы. Вероятное и возможное // Русское богатство. 1914. № 8. С. 299.

²⁰ Пешехонов А. В. Единая Россия // Русское богатство. 1914. № 9.

²¹ Горький М. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 29. С. 326.

²² Литературное наследство. Т. 95. С. 920.

²³ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С.119.

²⁴ Шишков В. Я. Пейпус-озеро. М., 1985. С.503–504.

возможности планетарной культуры, о необходимости организации мирового разума, что была уверенность в прочности принципов, идеи международной солидарности лучших представителей человечества. И – вот! Люди науки свирепствуют так же, как простое пушечное мясо. Бессмысленно и бесстыдно разрушаются исторические памятники»²⁵. Мировая война приводила к раздроблению человечества, разговоры о подъеме «национального чувства» взывали не к лучшим достижениям духовной жизни народов, а разжигали ксенофобию и низменные инстинкты. И. А. Бунин отмечал, что в газетах идет «возмутительная болтовня о культуре и русском народе и всего возмутительнее то, что объясняется-то все это очень просто, вероятно, – желанием попасть в тон»²⁶. Педалирование преимуществ русской культуры в буржуазной печати принимало характер психической эпидемии. Горький писал Войтинскому в Иркутск, характеризуя столичную журналистику: «Идут разговоры о духовном слиянии «Великой России» со «Святой Русью», о мистических началах национализма, о мессианизме третьего Рима, о том, что Русь – носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации... Общественное мнение создают именно эти органы при помощи языков и перьев Вяч. Иванова, Булгакова, Эрна, Л. Андреева, Струве и прочих, имя же их – легион. Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники. Противно, как в помойной яме»²⁷.

Весенние поражения русской армии в 1915 году несколько умерили патриотический тон журналистов, в печати стали появляться сведения о неподготовленности России к затяжной войне. Одновременно дебатировался вопрос о происках «внутренних врагов». Шпиономания, германофобия и антисемитизм получили официальную поддержку и приняли небывалый размах. В Москве состоялся немецкий погром. Евреи также объявлялись скрытыми пособниками Германии. В ответ на массовые настроения А. М. Горький совместно с Л. Н. Андреевым и Ф. К. Сологубом предпринял организацию «Русского общества для изучения еврейской жизни». Оно было официально зарегистрировано в Петрограде 28 апреля 1915 года. «Работа же в этой общественной организации закипела с первых январских дней. Ее результатом стала опубликованная 3 февраля в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» «Анкета об евреях. Открытое письмо к публике трех русских писателей» за подписью членов бюро общества. Следующим этапом работы стали их обращения к русским писателям и общественным деятелям с просьбой принять участие в анкете»²⁸. Другой акцией триумвирата стал выпуск сборника «Щит», выдержавшего за два года три издания.

Почувствовав изменение общественных настроений, Горький задумывает широкую программу издательской деятельности, ориентированной на демократические круги. Но он ясно видел стоявшие на этом пути препятствия, что получило отражение в письме к С. В. Малышеву. «Есть спрос на журнал, на газету, - сообщает он. - Это – не может быть удовлетворено. Военная цензура свирепствует бесчинно, ничего нельзя писать. Скоро, кажется, закроют «Современник», единственный журнал, который пытается говорить языком человечим»²⁹.

Патриотический подъем в массах сменялся апатией и унынием. Тяготы военного времени целиком легли на плечи трудящихся. О настроениях российской глубинки извещал Горького его корреспондент И. Е. Лаврентьев: «Публика и печать всюду только и твердит – война, война и война. Ею одной только и заняты. В деревне тоже, конечно, разговоров о войне много, но эти разговоры и настроение совершенно не подходят под цензурные условия. В деревне не только высокопатриотического, но и просто патриотического очень мало». Еще определеннее выражался в своем послании М. П. Герасимов: «Народ наш стал понятливей и умней, на многое смотрит ясно и иначе, послушаешь, что говорят и как думают о том да о сем, прямо восторг и удивление. Крепко верится, что скоро устроит он для себя жизнь разумную и более подходящую, лишь бы поскорей покончить с этой тяжелой, проклятой войной, висящей мельничным жерновом на шее России»³⁰.

Стихийные антивоенные настроения нуждались в идеологическом обосновании. И Горький выступил инициатором создания легального антимилитаристского органа. В кругу его единомышленников «намечались два пути: газета и журнал. Оба эти начинания имели за собою веские аргументы. Газета ежедневно может оказывать определенное влияние на читателя. Круг ее потребителей во много раз шире. К тому же она может встать гораздо скорее на ноги, чем журнал. Для ее финансирования нужно сравнительно меньше денег, а этот вопрос имел очень серьезное значение в те годы. Отрицательным моментом было то, что против газеты в гораздо большей степени направлены все скорпионы административного воздействия. Было несомненно, что

²⁵ Архив А. М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 161.

²⁶ Бунин И. А. Письма Д. Л. Тальникову // Русская литература. 1974. № 1. С. 173.

²⁷ Литературное наследство. Т. 95. С. 926.

²⁸ Никитина М. А. М. Горький и Ф. Сологуб // Горький и его эпоха. М., 1989. Вып. 1. С. 193.

²⁹ Горький М. Собрание сочинений. Т. 29. С. 336.

³⁰ М. Горький. Материалы и исследования. Л., 1934. Т. 1. С. 391, 408.

правительство попытается как можно скорее задушить газету, предварительно издегав все нервы мелкими придирками и различными репрессивными мероприятиями»³¹.

Горький пошел по пути сочетания просвещенческой и пропагандистской деятельности. Прежде всего он (совместно с А. Н. Тихоновым и И. П. Ладыжниковым) организовал книжное издательство «Парус». Предполагалось выпускать литературу универсального характера, отражающую «проблемы науки (идеи атома, электричества энергии, материи, воздушных полетов); проблемы философские (идеи эволюции, диалектики, бесконечного, бессмертия); проблемы социально-политические (идеи диктатуры пролетариата, четвертого сословия, социализма, труда как источника и творца ценностей); проблемы морально-этические (идеи красоты, Прометея (богоборчество), личности, «Человек – мера вещей) и т. п.»³² Как отмечает О. Д. Голубева, «ставилась поистине огромная задача – снабдить читателя-демократа книгами по социально-экономической, политико-экономической, естественнонаучной тематике и современной беллетристической»³³. К сотрудничеству в «Парусе» Горький привлек эмигрантов-большевиков (В. И. Ленина, М. Н. Покровского, Г. Е. Зиновьева и других), обещая им повышенные гонорары. Покровский с воодушевлением воспринял предложение Алексея Максимовича, вспоминая о том времени: «До того момента я дышал русским воздухом только через вонючую яму, именовавшуюся патриотической печатью. Патриотические миазмы заглушали все... И вдруг оказывается, что печатать не только можно вообще, но можно печатать нашу пропагандистскую литературу»³⁴.

Одновременно было замыслено издание литературного, научного и политического журнала «Летопись», первый номер которого вышел в декабре 1915 года. Материальное обеспечение предприятия Горький взял на себя, вложив в него 25000 рублей. Общественно-политическое направление ежемесячника определялось двумя пунктами: «1) борьба за интернациональность и 2) борьба со всеми остатками азиатчины в нашей жизни»³⁵. Алексей Максимович старался привлечь к сотрудничеству в журнале лучших российских литераторов, не стоявших на шовинистических позициях: И. А. Бунина, А. А. Блока, В. Я. Шишкова, К. А. Тренева, И. Е. Вольнова. Все они активно публиковались в журнале, причем Бунин посылал свои стихи в каждый номер. Ответил отказом только С.Н.Сергеев-Ценский по причине тяжелого психологического состояния: «Эта ужаснейшая и преступнейшая из всех войн не только опрокинула во мне с детства взращенную любовь к культуре и уважение к ней, она меня совершенно опустошила. По-прежнему одиноко живший, иногда месяцами не говоривший ни с кем, я надолго замолчал и как писатель. Участие в каких-то журналах и альманахах, которые не способны ни в какой степени остановить, прекратить неслыханную и омерзительную бойню, мне казалось тогда полнейшей чепухой, игрой двухлетних младенцев»³⁶.

Горький обращается также с призывами к сотрудничеству в журнале к Ромену Роллану, Бернарду Шоу, голландской писательнице Г. Роланд-Гольст. «Вы, социалист, конечно, понимаете, – писал он Б. Шоу, – в чем более всего нуждается та часть человечества, духовные силы которой освещены социальным идеализмом и которая даже при настоящих условиях не только не теряет надежды перестроить жизнь, но именно эти ужасные условия еще более возбуждают ее уверенность в том, что дальше нельзя так жить»³⁷.

Одновременно Алексей Максимович вел активный поиск молодых литературных дарований. Он лично прочитывал все присылаемые ему рукописи, старательно отвечал авторам, не скупясь на похвалы. В случае отказа в публикации, старался смягчить его добрыми пожеланиями. Не все молодые писатели, выступившие со своими произведениями на страницах «Летописи», получили признание, но Горькому удавалось находить и подлинные таланты. Так, именно в его журнале появились первые произведения Исаака Бабеля.

Но наиболее злободневное значение имела в журнале публицистика и статьи по внутренней и международной политике. Ведение иностранного отдела Горький предлагал М. Н. Покровскому. Последний отказался от этого предложения ввиду своей удаленности (он был в эмиграции во Франции), но обещал участвовать в журнале. В результате иностранной политической жизнью в журнале занимался В. П. Волгин (будущий академик АН СССР). Не все, присылаемое эмигрантами, принималось Горьким. Так, он отклонил работу Г. Е. Зиновьева об Австро-Венгрии с мотивировкой: «Автор недостаточно ясно представляет себе читателя. Суть в том, что дело общественного воспитания масс ныне постепенно переходит в руки интеллигенции, созданной этими массами, социально однородной с ними, и вот именно для этой интеллигенции нужна книга.

³¹ Арский Р. М. Горький во время войны 1914 г. // Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М., 1928. С. 280–281.

³² Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус». С. 161–162.

³³ Голубева О. Д. Горький-издатель. С. 63.

³⁴ О Ленине. Сборник воспоминаний. М., 1927. С. 77–78.

³⁵ См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус». С. 185.

³⁶ Сергеев-Ценский С. Н. Бурная весна. М., 1982. С. 385.

³⁷ Горький М. Собрание сочинений. М., 1955. Т. 29. С. 346.

Эта интеллигенция уже переросла старый тип литературы и старые приемы изложения; она вполне способна сделать свои выводы и нуждается в хорошем подборе фактов, творимых историческими силами современности»³⁸.

В «Летописи» постоянно публиковались обзорные статьи, раскрывающие процессы, происходившие в мировом капиталистическом хозяйстве и их связь с войной. А. А. Богданов, например, в большом очерке «Мировые кризисы и мировая война» отмечал: «Мировая война есть явление стихийное, того же порядка, как и мировые кризисы производства»³⁹. Н. Н. Суханов (Гиммер) проводил в своих статьях мысль о классовой обусловленности национальных лозунгов, говоря, что в них «воплощаются лишь вожделения некоторых групп нашей буржуазии, конечно, выдающих свои аппетиты за «жизненный интерес» не только всего класса, но и всего народного хозяйства»⁴⁰.

Теоретические статьи меньшевиков и «впередовцев», описывающих противоречия империалистической системы и осуждающих позицию социал-шовинизма немецких и австрийских социал-демократов, цензура пропускала беспрепятственно, не видя в них непосредственного агитационного воздействия, ввиду отвлеченности этих опусов. Гораздо больше уделялось внимания обзорам внутрироссийской жизни. Напечатанные статьи этого раздела буквально пестрели цензурными купюрами. Хронику текущей русской жизни готовили для журнала О. А. Ерманский, А. Никитский, М. Петров, В. Тихонович, А. Бельский, В. А. Базаров, Б. В. Авилов. Они касались широкого круга вопросов: деятельности Государственной думы и общественных организаций, состояния народного образования, религиозной жизни, настроений в обществе, проблемы роста дороговизны товаров массового потребления и др. Непосредственной критикой правительства они не занимались. Тем не менее цензура свирепствовала. Секретарь журнала Г. К. Суханова, на которую была возложена обязанность сношений с цензурным ведомством, отстаивала буквально каждую строчку, но ей редко удавалось переломить упорство чиновников.

Горький прочитывал весь будущий номер сам «он старался подбирать материал таким образом, чтобы всегда и неизменно проводилась мысль о необходимости борьбы с войной и противодействия ей»⁴¹. Сам писатель публиковался в журнале сравнительно мало, но каждая его вещь привлекала большое внимание и вызывала широкий резонанс. В первом номере «Летописи» он поместил статью «Две души». Это было концептуальное произведение, проникнутое критикой русофильских шовинистических идей. В нем Горький противопоставлял два культурных типа: «Европеец – вождь и хозяин своей мысли, человек Востока – раб и слуга своей фантазии». В русской духовной культуре писатель видел черты азиатчины. «Русский человек, – утверждал он, – еще не выработал должной стойкости в борьбе за обновление жизни». Горький попытался определить источники славянофильских идей, усиленно возрождавшихся в годы войны: «Русское «богоискательство» проистекает из недостатка убежденности в силе разума, – из потребности слабого человека найти руководящую волю вне себя, – из желаний иметь хозяина, на которого можно было бы возложить ответственность за бестолковую, неприглядную жизнь»⁴².

Статья Горького вызвала бурю возмущения в стане патриотов. Л. Н. Андреев посчитал, что в ней «целый народ был унижен», назвал ее «торжественной и пышной панихидой». В годы войны, подчеркивал он, «тем непонятнее становится для нас позиция самого М. Горького, его собственный беспросветный пессимизм, с каким относится он к русскому народу»⁴³. Одновременно с ответом Леонида Андреева журнал «Современный мир» поместил письмо «сознательного рабочего», возмущавшегося, что Горький «говорит много непонятного для нас, неученых, слов много интеллигентских», среди которых «попадались отдельные места, которые я схватывал на лету и которые обижали мою душу». Автор предлагал переименовать журнал Горького в «Самоубийство»⁴⁴.

Анастасия Чеботаревская, жена Ф. К. Сологуба, в письме к А. А. Блоку называла горьковский журнал «гадким» и упрекала поэта за сотрудничество в нем. Блок не согласился с этой оценкой: «Журнал Горького не производит на меня гадкого впечатления. Я склонен относиться к нему очень серьезно. Вообще не все мне там враждебно, а то, что враждебно – стоящее и сильное. Меня позвали в этот журнал как ремесленника, а я люблю ремесло и, в частности, то ремесло, которое мне дали, нахожу нужным и полезным»⁴⁵. На повторное «ругательное» письмо Чеботаревской Блок не ответил.

³⁸ Архив А. М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 140–141.

³⁹ Летопись. 1916. № 4. С. 153.

⁴⁰ Суханов Н. Интересы России в мировой войне // Летопись. 1916. № 4. С. 185.

⁴¹ Арский Р. Указ. соч. С. 285.

⁴² Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1 (декабрь). С. 123–134.

⁴³ Андреев Л. О «Двух душах» М. Горького // Современный мир. 1916. № 1. Отд. 2. С. 109–110.

⁴⁴ Чириков Е. «Незарбериха». Письмо в редакцию // Современный мир. № 1. Отд. 2. С. 119, 126.

⁴⁵ Блок А. А. Собрание сочинений. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 451.

Профессорско-кадетский «Вестник Европы» не считал нужным вступать в полемику с горьковской «Летописью» по существу. Он ограничился оценкой литературной деятельности Горького, причем не с мировоззренческих, а с психологических позиций. «Идеология Горького, – писал либеральный критик, – общая концепция его тревожного и протестующего мирозерцания осталась, говорим мы, та же. Художник смотрит на окружающее все теми же испуганными и скорбными очами»⁴⁶. Либералы считали ориентацию писателя откровенно прозападнической, что, казалось им, соответствовало их собственным воззрениям.

Но «царство Разума», пропагандируемое Горьким, имело мало общего с буржуазной цивилизацией, к которой стремились либералы. Алексей Максимович слишком хорошо знал нравы русской буржуазии, чтобы связывать с ней надежды на будущее страны. 22 августа 1915 года он писал С. В. Малышеву: «Живут люди в страхе, но и страх не мешает жуликам жульничать. Буржуазия организуется, крепнет и, конечно, грабит страну, грабит, – как никогда еще не грабила! Москва стремится к власти на всех парах... Прогрессивный блок становится магнитом, который все с большею силою притягивает к себе все способное жрать и воровать «ради спасения родины от врага». Правительство не уступает напору буржуазии, сопротивляясь по инерции, механически»⁴⁷.

Выход из создавшегося положения Горький видел в науке, которая представлялась ему новым социальным феноменом, способным организовать жизнь в планетарном масштабе. Уже после Февральской революции он призывал деятелей науки активнее вмешиваться в общественную жизнь, создать собственный авторитетный орган. «Этот орган, – говорил писатель, – рисуется мне в форме свободной ассоциации ученых, – ассоциации, которая, работая в мировом масштабе, находясь в непрерывном духовном общении с подобными ей ассоциациями – как, например, британская, – стремилась бы, поиммо своих непосредственных задач, к созданию в мире единого, планетарного вместилища разума, являлась бы мозгом и нервной системой нашей планеты»⁴⁸.

Поэтому Горький придавал большое значение участию в «Летописи» крупных представителей российской науки. Приглашая к сотрудничеству К.А.Тимирязева, писатель так формулировал задачи своего издания: «Цель журнала – может быть, несколько утопическая – попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма. Кровавые события наших дней возбудили и возбуждают слишком много темных чувств, и мне кажется, что уже пора попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности»⁴⁹. Тимирязев предоставил «Летописи» обзорную статью «Наука в современной жизни», в которой он вовсе не разделял надежд на нее, как на достаточно могущественный фактор, способный изменить ход событий, особенно в годы мировой войны. «Потянулись месяцы ужаса, казавшиеся годами, – констатировал ученый, – в это время наука возбуждала интерес разве только своею материальною стороною, как орудие наиболее искусного истребления человечества, да разве еще как средство для возвращения целых стран к забытому натуральному хозяйству»⁵⁰.

Вокруг Горького и редакции «Летописи» сложился неформальный кружок представителей оппозиционной и радикальной интеллигенции, питерских рабочих. Как отмечал руководитель Петроградского комитета большевиков А. Г. Шляпников, Горький «следил с большим вниманием за развитием нелегальной работы, оказывал нам различные услуги. Около него билась своя многогранная жизнь... Через собрания у Алексея Максимовича удалось привлечь к партийной работе целый ряд рабочих, отставших от революции и ценных работников»⁵¹. Но непосредственно революционной деятельностью «пролетарский» писатель не занимался. Революцию он вовсе не считал панацеей для решения всех российских проблем, понимая насколько она опасна в отсталой стране с преобладанием неграмотного населения. С другой стороны, он понимал, что без радикальных изменений России не выбраться из тупика. Горький предчувствовал близость больших социальных потрясений. Свою задачу он видел в том, чтобы способствовать сплочению всех культурных и демократически ориентированных сил, не взирая на их партийные разногласия. «Такой, совсем не марксистской, а чисто просветительской, в духе развития идей Белинского и Добролюбова, была общая программа, вокруг которой Горький намеревался собрать разные группы интеллигенции и, особенно, писательскую братию»⁵². Принимая ежедневно огромное количество посетителей, писатель пытался охватить весь спектр общественных настроений. У фронтовиков он допытывался: «А что говорят солдаты в окопах?» И внимательно слушал, когда

⁴⁶ *Королицкий М.* Творчество Горького последних лет // Вестник Европы. 1916. № 5. С. 405.

⁴⁷ *Горький М.* Собрание сочинений. М., 1955. Т. 29. С. 339.

⁴⁸ Горький и наука. М., 1964. С. 15.

⁴⁹ *Горький М.* Собрание сочинений. М., Т. 29. С.341–342.

⁵⁰ *Тимирязев К. А.* Сочинения. М., 1939. Т. 9. С. 225.

⁵¹ *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. М., 1992. С. 160,190.

⁵² *Валентинов Н. В.* Встречи с Максимом Горьким // Общественные науки в СССР. Серия 7. Литературоведение. 1991. № 2. С. 40.

ему передавали «острый солдатский фольклор, касающийся немки-императрицы и всемогущего пьяницы и дебошира Григория Распутина»⁵³.

Острый социальный художник, Горький не был склонен к политическому доктринерству, хотя и с большим уважением относился к достижениям общественных наук (как, впрочем, и естественных). Е. И. Замятин говорил о нем: «Самоучка, за всю свою жизнь только полгода пробывший в начальной школе, Горький не переставал учиться всю жизнь и знал очень много. И к тому, что он не знал, у него было трепетное, какое-то детски-почтительное отношение»⁵⁴.

Писатель призывал «быть не рабами, а людьми свободными, уметь работать, быть культурными и знать. Слово знать, просвещать, не сходило с его языка. Знанию он придавал значение решающего, важнейшего фактора»⁵⁵. Пройдя путь из низов общества к вершине мировой славы, Горький сформировался «как личность с необыкновенно взыскательным отношением к народу»⁵⁶. Людей он оценивал по их способности выйти за пределы косного быта, подняться на новую ступень духовного развития. Он понимал, насколько узок культурный слой в России, призывал всячески беречь его, был настоящим подвижником культурного развития, «его личные потребности тотчас отступали на последний план, когда дело касалось искусства, науки, книги: культуру Горький любил до самозабвения»⁵⁷. Отношение писателя к культуре напоминало отношение верующего человека к религии. Исследователи находят в мировоззрении Горького черты религиозного сознания, выламывающиеся из рамок традиционного христианства⁵⁸.

В связи с этим война воспринималась Горьким как главный враг культуры, как явление, приводящее к одичанию человека, мешающее ему выразить свою творческую сущность. Подготавливая летом 1916 года «Письма к читателям» для «Летописи», он подчеркивал: «Процесс уничтожения культуры, бессмысленного истребления продуктов и результатов общечеловеческого труда – становится все шире, глубже... Исторически сложившаяся сила капитализма обезволила людей, создавших ее, и замкнула их в тесную петлю противоречий неразрешимых»⁵⁹. Полемические заметки Горького не были напечатаны. Острая публицистика имела мало шансов пройти через цензуру. Приходилось прибегать к косвенным методам. Как отмечал редактор журнала А. Т. Радзишевский (Р. Арский), «в отделе публицистики мы в «Летописи» взяли определенное направление. Мы решили пользоваться каждой возможностью, каждой заметкой, чтобы подчеркивать свое непримиримое отношение к войне, при помощи цифр и фактов доказывать ужас войны и ее преступления»⁶⁰. В частности, смерть известного либерального историка В. И. Семевского была использована журналом для постановки жгучих современных вопросов, для антивоенной пропаганды. Кабинетный ученый был охарактеризован как «один из видных рыцарей ордена «чужих людей в родной стране», представитель старой нашей интеллигенции», который «был, как вся она, «западник», – это позволяло ему глубоко чувствовать вненациональное, планетарное значение общечеловеческой культуры. Это чувство особенно дорого, особенно важно в безумные дни, когда понятие «единство человечества» к великому несчастью нашему исчезает, заменяясь трагическим и горьким ощущением «одиночества человека». Так грустно и больно, что хороший, честный человек ушел от нас именно в эти тяжелые дни одичания, разрушения чести и совести»⁶¹. Подобные настроения были у Горького устойчивыми, углубляясь по мере продолжения войны. 29 сентября 1916 года он писал из Петрограда М. Н. Покровскому: «Теперь здесь приходится ориентироваться просто на порядочность, на мужество личного поведения, почти оставляя в стороне противоречия основного миропонимания. Но и порядочных людей становится все меньше. Воздух насыщен ядовитыми газами морального разложения, культурного одичания»⁶².

В условиях общественной деморализации Горький стремился сплотить вокруг «Летописи» всех «порядочных» интернационалистов социал-демократической ориентации (меньшевиков и большевиков). Подобная стратегия «единого фронта» вызвала явное неудовольствие В. И. Ленина, который в октябре 1916 года сетовал в письме к А. Г. Шляпникову: «Горький всегда в политике архибесхарактерен и отдается чувству и настроению». Тут же вождь большевиков рекомендовал Шляпникову посеять разногласия в редакции «Летописи»⁶³.

⁵³ Максим Горький в воспоминаниях современников. М., 1981. Т. 1. С. 348.

⁵⁴ Замятин Е. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 471.

⁵⁵ Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 40.

⁵⁶ Резников Л. Я. О книге М. Горького «Несвоевременные мысли» // Нева. 1988. № 1. С. 149.

⁵⁷ Анненков Ю. П. Максим Горький // Неман. 1990. № 2. С. 145.

⁵⁸ См.: Агурский М. Великий еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 54–74.

⁵⁹ Архив А. М. Горького. М., 1969. Т. 12. С. 95.

⁶⁰ Арский Р. Указ. соч. С. 286.

⁶¹ Горький М. Памяти В. И. Семевского // Летопись. 1916. № 10. С. 298.

⁶² Архив А. М. Горького. М., 1976. Т. 14. С. 145.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 299–300.

Горький высоко ценил Ленина как глубокого социального аналитика и выдающегося знатока политических вопросов современности, но принципы его практической деятельности он не разделял. Он даже подверг редактуре знаменитую брошюру Владимира Ильича «Империализм как высшая стадия капитализма», убрав из нее нападки на К. Каутского и Ю. О. Мартова. Это объяснялось позицией Горького, который считал, что «нельзя ослаблять внутрипартийными разногласиями международное рабочее движение в борьбе против основного врага – монархии и империализма»⁶⁴.

«Основоположник пролетарской литературы», как его именовали в советском литературоведении, не был убежденным марксистом. Его волновали не социально-экономические, а духовные вопросы. «Политиком он не был и не хотел быть. Он хотел быть идеологом-просветителем»⁶⁵. Эта позиция писателя обходилась молчанием в советской литературе или преподносилась в утрированной форме. Так, И. А. Груздев утверждал, что в «Летописи» Горький «подчинился влиянию окружающих его в журнале литераторов-интеллигентов и потерял революционную ориентацию»⁶⁶. Изображать великого писателя в качестве марионетки в чужих руках – значит, ставить с ног на голову действительное положение дел. Именно Горький, как издатель журнала, подбирал сотрудников, исходя из собственных выстраданных принципов. И ему многого удалось добиться в тогдашних неблагоприятных условиях.

«Летопись» получила признание у свободомыслящих людей. В тот период она являлась единственным заметным печатным органом, стоявшим на антимилицаристских позициях. Императив защиты культуры от неразумных сил хищнического капитализма, развязавшего мировую бойню, встречал отклик в кругах демократической интеллигенции и части образованных рабочих. 2 августа 1916 года Горький писал Тимирязеву: «За это время мне пришлось выслушать немало похвал «Летописи» за то, что она не поддается всеобщему опьянению кровью, и так хорошо знать, что наши тревоги за культуру находят отклик у читателя, понятны ему»⁶⁷.

Но одновременно журнал и его руководитель нажили себе множество противников. 16 января 1916 года «Биржевые ведомости» напечатали беседу с профессором В. Н. Сперанским, в которой последний заявил буквально следующее: «Горький – живой труп и гальванизировать его бесполезно». А. А. Блок вместе с тремя другими литераторами ответил опровержением на высказывание профессора, подчеркнув, что «выражения, в которые это мнение облечено, неприличны с точки зрения литературной и оскорбительны с точки зрения человеческой»⁶⁸.

Последовательно противостоял позиции Горького Леонид Андреев. Бывший друг и соратник стоял последовательно на почве патриотизма и доведения войны до победного конца. Поэтому деятельность горьковского журнала вызывала у него острую неприязнь. «Одна история с Горьким и «Летописью» может довести до иступления»⁶⁹, – писал он 19 июля 1916 года брату Андрею. В свою очередь, Алексей Максимович тяжело переживал разрыв с Л. Андреевым, не видя возможностей переубедить его. Узнав о согласии последнего сотрудничать в создаваемой крупными банками при содействии министра внутренних дел А. Д. Протопопова газете «Русская воля», он писал 22 октября 1916 года В. Г. Короленко: «Очень мучает меня Л. Андреев. Я его люблю, считаю крупным талантом, но наши отношения вдребезги испорчены, и я не могу указать ему, что он не должен валандаться с протопоповской газетой»⁷⁰.

Андреев не прибегал к публичным выпадам против Горького, но он был яростным идейным противником «Летописи». В декабре 1916 года он повел на страницах «Русской воли» настоящую кампанию против «пораженчества», пытаясь доказать неприемлемость интернационалистской позиции горьковского журнала. Андреев отстаивал необходимость войны до победного конца, рисуя картину печального положения, в котором окажется Россия в случае поражения: «Едкое чувство стыда, вызванное поражением, горечь попорченного достоинства, неизбежная потребность большое поражение возместить хоть маленькой победой – преобразуются в жестокость, насилие над слабым, в цинизм и презрение и лишь маскируются иными гордыми словами... Обесцененный в собственных глазах и сознании, побежденный, битый обесценивает и все кругом: правду, человеческую жизнь, кровь и страдания, достоинство женщин, неприкосновенность детей»⁷¹. Только победоносное окончание войны могло, по Андрееву, обеспечить развитие русской демократии.

Черносотенная пресса открыто призывала к расправе над «Летописью». 27 ноября 1916 года газета «Голос Руси» поместила заметку, в которой высказала общее для реакционных кругов

⁶⁴ Голубева О. Д. Горький-издатель. С. 69.

⁶⁵ Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 41.

⁶⁶ Груздев И. А. Горький. М., 1960. С. 221.

⁶⁷ Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 363.

⁶⁸ Блок А. А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 679–680.

⁶⁹ Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // Литературное наследство. М., 1965. С. 554.

⁷⁰ А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания. М., 1957. С. 81.

⁷¹ Андреев Л. Н. «Верните Россию!» М., 1994. С. 9–10.

желание: «Избавьте нас от Горького! Избавьте нас от пораженческой литературы»⁷². Наряду с подобными печатными доносами сохранилось также большое количество докладных записок, направленных непосредственно в Департамент полиции и доказывавших вредное направление «Летописи».

Директор Департамента полиции Е. К. Климович уже 2 марта 1916 года сделал запрос в петроградское охранное отделение о направлении журнала и о правомерности сведений о подрывной деятельности его сотрудников. Начальник петроградской охраны генерал-майор К. И. Глобачев, желая спасти «честь мундира», дал «Летописи» уклончивую характеристику: «Сотрудниками этого журнала состоят лица, примыкающие к большевикам социал-демократам, но все это лица с литературными именами, главным образом, теоретики социал-демократических идей. Будучи людьми интеллигентными и по материальному положению стоящими значительно выше остальной рабочей среды, из которой пополняются кадры социал-демократических организаций, они предпочитают литературный труд и в роли уличных и мелких агитаторов и пропагандистов они не выступают, предпочитая в данном случае широко использовать легальную прессу. Около журнала «Летопись» группируются сотрудники журнала, и они действительно собираются как в помещении редакции журнала, так и в находящемся тут же издательстве «Парус», но собрания эти решительно ничем не отличаются от собраний сотрудников в других журналах. О производстве в редакции «Летописи» денежных сборов на нелегальные цели агентуре ничего не известно. Журнал «Летопись» в партийных петроградских большевистских кругах руководящей роли не играет, и вообще этот журнал не пользуется в рабочей среде популярностью»⁷³.

Новый директор Департамента полиции А. Т. Васильев вернулся к этому вопросу под давлением новых доносов. 16 декабря он обратился с запросом к начальнику Главного управления по делам печати В. А. Удинцеву. Последний подготовил новую записку, в которой констатировал, что «журнал имеет резко оппозиционное направление с социал-демократической окраской», подчеркивая, что «в отношении к переживаемой Россией великой отечественной войне журнал «Летопись» следует отнести к числу пораженческих изданий. Уже с первого номера редакция пыталась проводить взгляд, что западная, точнее, германская культура, несравненно выше нашей славянской, а потому русскому народу следует войти в более тесное единение с западным соседом. Вместе с тем редакция старалась провести статьи о военной и экономической мощи Германии, которая несравненно выше могущества союзников, потому победа над Германией немыслима»⁷⁴. Подобная «объективка» была полностью ориентирована на законы военного времени. Компромат, собранный против «Летописи», позволял поставить вопрос о ее закрытии. Но Февральская революция нарушила эти планы.

В начале 1917 года издание «Летописи» столкнулось с большими финансовыми затруднениями. На 31 января в кассе издательства «Парус» находилось только 367 р. 51 к.⁷⁵ К тому же после Февральской революции ежемесячный журнал перестал успевать за быстро меняющейся общественно-политической обстановкой. Организационные и материальные трудности привели к появлению сдвоенных и даже строенных номеров. В этих условиях М. Горький переключился на издание газеты «Новая жизнь». В ней он постоянно выступал с публицистическими статьями, получившими название «Несвоевременные мысли». В них писатель выражал надежду на победу разума над инстинктами толпы, подчеркивал планетарный, а не «местечковый» характер переживаемых событий. После Октябрьской революции «Новая жизнь» приняла оппозиционную направленность по отношению к большевистскому режиму, подчеркивая опасность для культурного строительства той варварской стихии, которая вдохновлялась ленинским правительством⁷⁶. В этот период Горький «сумел подняться над классовыми предрассудками и спасти жизнь – а порой и достояние – многим представителям русской аристократии»⁷⁷.

«Летопись» в 1917 году быстро теряла читателей, переключившихся почти исключительно на агитационную литературу. Призывы к спасению культуры в условиях ожесточенной политической борьбы практически не имели сторонников. Журнал тихо скончался в декабре 1917 года.

⁷² См.: Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 226.

⁷³ М. Горький. Материалы, собранные департаментом полиции // Былое. 1918. № 12. С. 197–198.

⁷⁴ Летопись. 1917. № 2–4. С. 427.

⁷⁵ См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Парус». С. 173.

⁷⁶ Вайнберг И. Во имя революции и культуры. Публицистика М. Горького 1917–1918 годов // Литературное обозрение. 1988. № 9. С. 91–98.

⁷⁷ Анненков Ю. П. Указ. соч. С. 141.